

Экспериментаниум

О себе:

*Меня зовут **Юлия Сизова**.
Мне 19 лет.*

*Учусь в Севастопольском
государственном универси-
тете.*

*Уже около 6 лет
занимаюсь рисованием, но
образование художника нигде
не получала — училась сама.*

*Пишу прозу и поэзию —
это моё увлечение последних
лет пяти. О своих работах
долго не распространялась,
потому что считала, ничего
особенного в том, что я пишу,
нет. Но именно в
университете поменяла
мнение на этот счёт.*

*Я очень благодарна
журналу «Гуманитарная
парадигма» за возможность
публиковаться и — быть
услышанной. Это одно из
самых заветных желаний.*

ИСТОРИЯ ПЕЧЕНЬКИ

Я, как всегда, лежала на полочке со своими друзьями. Кто-то возмущался, что здесь мало места и пытался выбраться из тесной обёртки, кто-то грустил, потому что его друг или подруга оказались в другой упаковке. Но меня всё устраивало. Конечно, здесь не было уютно, но вполне терпимо. Тем более мы каждый день видели новые лица покупателей. То в магазин заходила малышка Аля и так упрашивала маму купить нас, что мне самой хотелось прыгнуть девочке в руку. Но мама говорила, что у Али большие зубы и ей нельзя сладкого. То мимо нас проходили две подруги, Ася и Даша, каждый раз поглядывая на меня с аппетитом, но, неожиданно вспоминая о диете, шли прочь, покупая вечно показывающие нам языки обезжиренные йогурты.

Я спокойно ждала покупателей, которые наконец заключат нас в свои объятия. Но другие печеньки постоянно толкались, и это мешало мне сосредоточиться на чём-то важном. Решив, что необходимо пообедать, я взяла со стола белки и углеводы и пошла к своему другу, который как всегда ел одни лишь жиры.

— Ты опять их ешь? Ты же знаешь, что от жиров становишься мягким и менее хрустящим. Люди таких не любят.

— Я тебя умоляю, нас уже две недели никто не покупает. Я всего лишь наслаждаюсь счастливыми днями перед тем, как нас утилизируют. — Пухляш начал набивать рот жирами, забывая запивать яичным белком.

– А вдруг нас всё-таки возьмут? Вдруг мы побываем в красивом доме? У нас появится новая полочка, новые друзья, а то мне надоели эти крекеры. Гордятся только тем, что они солёные, а мы, видите ли, сладкие...

– Ну, может быть. – Больше он ничего не сказал, потому что усердно ел бесполезные для печенья ингредиенты.

Я замолчала и стала уплетать углеводы и белки. Как вдруг почувствовала, что стульчик, на котором я сидела, затрясло, а книга моих руках стала извиваться змейей. Белок вылился из бокала, углеводы рассыпались по полу. Как можно быстрее я побежала к прозрачному окошечку, единственному месту упаковки, откуда было виден торговый зал. Здесь уже не было места, но я старалась протиснуться. В ответ мне кричали: «Куда прёшь, малая?» или «Тут всё занято, ищи другое место». Но у меня получилось добраться до заветного окошечка и взглянуть на то, что же происходит в огромном в сравнении с упаковкой мире людей.

Ничего особенного снаружи не происходило, и я уж было собралась идти к Пухляшу, как нас опять затрясло, и мы оказались на кассе. Все торжественно кричали: «Ура! Ура! Нас купили!»

Неожиданно резко потемнело — это нас бросили в сумку. Однако ожидание того, что скоро мы окажемся в новом доме, среди новых друзей помогала бороться со страхом.

Прошло минут десять, все молчали, и вокруг опять затряслось. Через секунду раздался радостный детский визг, и кто-то вмиг выхватил нашу упаковку из сумки. Как же я была рада увидеть малышку Алю, ту самую, что так хотела взять нас с магазинной полки. Девочка улыбалась и бегала по комнате, держа нас в руке, так что нас беспорядочно кидало из стороны в сторону. Но тут же мы попали в другие руки. Это была взрослая девочка, видимо, сестра Али, потому что они были похожи. Она спокойно державшая упаковку, а девочка пониже ростом, стояла рядом с ней, внимательно смотрящая прямо на меня. Сестра Али положила нас на стол и ушла, как я поняла, на кухню.

За всей этой суматохой я не успела разглядеть место, в которой мы находились. Окошечко было маленькое, и рассмотреть комнату не получалось. Но совсем скоро нас взяли и понесли: это был счастливый миг путешествия по дивному миру, в котором обителями которого были рыжий кот, кувыркающийся по полу, мирно сидевшего в клетке попугай.

Тряска закончилась, и я увидела комнату зелёного цвета с окном, диваном и тумбой. Сестра Али села на диван, держа в руках кружки с какой-то густой жидкостью, от которой шёл пар.

– Держи, – сказала Алина сестра, подавая кофе своей подруге, и схватила нашу упаковку. – Наверное, они вкусные.

– Открывай быстрее. Кино началось.

Наша защитная оболочка треснула и раскрылась. Мы все вздохнули, и насладились великолепными запахами, стоящими в комнате. Для одного из нас, кого первым вытащили из упаковки, наступил долгожданный миг свободы. Всем нам, остававшимся заложниками тесной упаковки, он показывает язык, и я жутко злилась, что он, а не я, был первый. Он радовался и улыбался, в то время как все мы испытывали удушающий приступ зависти. Вот наш друг оказался уже на недостижимой высоте рядом со стаканчиком горячего кофе и... неожиданно низвергнут в его бездну.

Что-то странное ощутила я — тот, первый, не был моим другом, мы с ним даже не были как следует знакомы, хотя сделаны были из одного теста и прожили в одном брикете несколько недель.

Из горячего напитка девочка вытащила его мокрого и уже мёртвого.

Все резко стали пятиться назад. Но было поздно.

Раз за разом по очереди мои друзья умирали в глубине непонятной жидкости и бесследно исчезали во рту девочек.

Вот пальцы схватили Пухляша — я держала его как можно сильнее, но ничего не получилось. И смерть накрыла его так же, как и всех остальных.

Поняв, что мне не избежать той же участи, я не стала сопротивляться. Исходящее от напитка тепло, каким бы манящим оно ни было, грозило мне неизбежным концом. Закрыв глаза, я заснула в бесконечности.

Взяв в правую руку кисточку от подводки, девушка аккуратно, еле дыша, стала рисовать на верхнем веке чёрную громоздкую стрелку. Эти стрелки ей совсем не шли. Она знала это — ей было наплевать. Хотелось скрыть себя от внешнего мира, чтобы её милое детское личико оставалось скрытым для других. Конечно, родители не знали, где работает их дочь, хотя бы потому, что были мертвы. Девушке вот-вот должно было исполниться девятнадцать, а это возраст, когда подросток переходит на новую ступень под названием «заткнись и делай, иначе умрёшь от голода». В её случае это правило было весьма актуальным, так как родители не оставили ей ни копейки, а бабушка, которая жила от внучки в получасе езды, ненавидела её вплоть до имени. Когда в доме старухи кто-то произносил «Лия», та сплевывала через левое плечо и посыпала пол вокруг солью. Вы спросите: «Что за ерунда? Кто в здравом уме будет так делать?» «Никто! — отвечу я. — Никто в здравом уме не будет вычерчивать круги солью от «внучки-дьявола», если, конечно, тебе не выписали из психбольницы месяц назад».

Я не буду говорить про то, какая девочка бедняжка, как ей не повезло в жизни, потому что в действительности всё не так, как кажется на первый взгляд. Лия была очень умной и смышлёной девчонкой, знала многое о том, о чём её сверстницы даже не догадывались, но то, с какой апатией, наглостью, а иногда с задумчивостью и детской безответственностью она себя подавала, говорило о её вздорности. Девушка представляла из себя некое подобие глупой блондинки, которая не закончила школу и не собиралась учиться дальше. Это был её сознательный выбор, сделанный ещё до смерти родителей, поэтому о депрессии, психологической травме и прочих проблемах душевного характера речи быть не могло.

Она стояла у зеркала и любовалась собой, так как ей оставалось лишь несколько минут до выхода в зал. В гардеробную зашла женщина с тёмными, как смоль, волосами и красными, как кровь, губами. Она была старше Лии примерно лет на десять. Посмотрела на 19-летнюю девочку так, что, казалось, её виду усмехнулись даже перья, украшавшие бёдра женщины.

– Давно пришла? – спросила женщина, закуривая, и смотря на Лию с любопытством и надменностью. Если бы эту женщину, лицо которой сейчас украшали потекшие чёрные стрелки и губах стёртая помада, на остановке, вы увидели в автобусе или на парковке, вам бы не составило труда догадаться, кем она работает. Но на самом деле, какие бы жаркие танцы она не исполняла по ночам, днём эта женщина была хорошей матерью. Сложно было лишь понять, была ли эта женщина на социальном дне или только что поднялась с на новую ступень, но ясно было, что в стриптиз приходят не от хорошей жизни.

– Полчаса назад.

– Ты же знаешь, что Линдси делает с опаздывающими?

– Я не опоздала к выходу, не переживай. – Сидя на крутящемся стуле, Лия плавно повернулась к брюнетке и подняла бровь, как бы спрашивая: «Какого чёрта ты ко мне прицепилась?!»

Женщина, виляя своими округлёнными большими бёдрами, отвернулась и вышла из гримёрки быстрым шагом, захлопнув за собой дверь так сильно, что та с громким скрипом вылетела в обратную сторону. Девушка смотрела на время, у неё потряхивало коленки, так как страх перед публичным выступлением брал вверх над любопытством и жаждой внимания. Она встала со стула, нервно поправила свисавшие на лицо волосы и пошла к двери, ведущей на сцену.

Весь зал освещали красные небольшие прожектора. Кроме них других источников света в помещении не было, что и создавало ту интимную обстановку, в которой выступали молодые и не очень стриптизёрши. Девушка вышла на сцену под плавную мелодию. Она обогнула шест на своих огромных шпильках, искусённо провела рукой по своему телу, отчего весь зал замер в

ожидании, и по-кошачьи выгнула спину. Когда звучание музыки стало нарастать, она взглянула дикой кошкой исподлобья, охватив взглядом всё пространство, и начала головокружительно крутиться на шесте. Она делала это настолько профессионально, что казалось, занимается этим всю жизнь. Её движения были одновременно и плавными, и резкими, что вводило всех сидящих в зале в экстаз.

Уже за кулисами, пытая справиться со своим сбитым дыханием, она слышала, как весь зал хлопает ей. В этот момент она почувствовала себя по-настоящему счастливой — на неё наконец обратили внимание! Зал не умолкал. Девушку охватила эйфория, с её лица не сходила улыбка. Поправив свой «рабочий костюм» и убрав волосы с мокрого лица, она ненадолго закрыла глаза и улыбнулась. Её путь лежал обратно в гримёрную, откуда началась её наконец-то вспыхнувшая пламенем жизнь.

Маленькие улочки уже затопило от ливневого стока, дождь беспощадно бил по стёклам домов. На небе стали виднеться прожилки мелькающих изредка молний, которые то и дело пытались достать своими маленькими ручонками-разрядами до земли.

Девушка шла, намеренно не покрывая голову капюшоном, словно хотела промокнуть, хотела, чтоб все её косточки дошли до состояния ледяной стружки, хотела дойти до места назначения и остаться там. У неё никого не осталось, все её покинули. Ноги были насквозь мокрые, в обуви хлюпала вода, но девушка всё равно шла. Вдалеке стал виднеться железный забор с кручёной проволокой сверху.

Кладбище.

Деревянные кресты от дождя стали обтекать краской, а могильные плиты от грязи и слякоти стали скользкими и ужасно мерзкими. Когда до кладбища оставалось несколько шагов, девушка остановилась, медленно подняла голову вверх и посмотрела на чёрное небо с грозовыми тучами. По лицу, и без того мокрому, теперь ручьями лились слёзы.

Неуверенными шагами, словно мышка, собирающаяся украсть сыр из мышеловки, девушка прошла к входной калитке. Приоткрыв её, она ещё раз убедилась, что за ней никто не следит, но девушка ошибалась. С каждым шагом к кладбищу к ней приближались страх и уныние, которое она в жизни испытала лишь раз. Страх окутывал её, пробежал по коже и внутренним органам, но уныние побеждало, поэтому она направилась именно к той

могиле, к которой ходила уже нескольких лет. Молния сверкала всё чаще, дождь лил всё гуще в предзнаменование чего-то ужасного.

Вот она. Вот эта могила, грязная, с поникшими цветами в вазе.

Девушка села возле неё, вытерла рукавом кофты фотографию и поцеловала.

– Привет, пап. Прости, что не пришла раньше.

Она задумалась и вытерла слезу с щеки. Всё её тело корчило от душевной боли, она обхватила себя руками, надеясь, что это как-то поможет, но ничего не выходило.

– Пап... – каждое слово она выдавливала из себя, потому что слёзы обрушивались градом. – Мне сложно... мне сложно, потому что тебя нет... никого нет.

Она замолкла, и слёзы на время прекратили течь, но тут же она заплакала снова.

– Зачем ты бросил меня? Зачем оставил одну гнить в этом мерзком городишке.

Город и вправду был никчёмным — вечно слякоть и дождь, небо, покрытое тучами девять месяцев из двенадцати. Изредка, конечно, можно было увидеть, как город расцветает, словно бутон дикой розы. В эти редкие дни местные жители старались бросить все дела и забыться, наслаждаясь пейзажами, что порой открываются людям как напоминание, что плохая погода рано или поздно изменится, что за горем всегда следует радость, способная затмить всё, что случилось в прошлом. Те три месяца, когда в городе зеленеют полянки, на газонах расцветают одуванчики, а в воздухе витает весеннее счастье, запахи цветов сливаются воедино в дивный аромат. Возможно, именно он заставляет людей оставаться в этом городе, а весной заставляет высыпать на его тусклые улицы целые толпы людишек, топающих, хлопающих, нюхающих.

Но сейчас была зима. Это значило лишь одно — до трепещущих весенних дней ещё целых два месяца. Люди ждали их, чтоб наконец не суетясь, без спешки насладиться жизнью, которая и без того была как в адовом котле.

Девушка осталась сидеть на могиле отца, не замечая, как засыпает. Усталость давала о себе знать, потому она легко отключилась от внешнего мира и погрузилась в царство Морфея на могиле отца, которого без устали вспоминала каждый день.

Окно.

Вы когда-нибудь задумывались о том, зачем в доме нужны окна? Для того чтобы летом можно было проветрить комнату от душного запаха живущих? Или для того, чтобы можно было повесить красивые занавески, которые добавили бы комнате уюта? А может, окна нужны для солнечного света, который будит вас по утрам? Конечно, никто не сомневается, что окна нужны именно для этого, а значит, для вставки окон в стены имеются веские причины.

Тогда я задам другой вопрос. Как часто вы подходите к окнам? Как часто смотрите на утреннее небо или наблюдаете за дождём? Сколько раз в день вы отодвигаете шторку и любуетесь тем, что находится за толщиной стекла?

Мы все зависимы от природы, все являемся её неотъемлемой частью. Все одинаковы перед природой, но кто-то обращается к ней в большей мере, а кто-то в меньшей. Первые, наверняка, по утрам подходят. За окном может светить солнце, слепить вам глаза, отчего вы сразу закроете шторку и пойдёте заваривать утренний кофе или чай. А ведь там может идти дождь, слабенький такой, который медленно-медленно скатывается по оконному стеклу, а может, ливень, который будет бить вам в стекло с такой силой, что содрогаться в доме будут всё — не только ваши окна.

А если там снег? О господи, это же такая красота. Вы когда-нибудь наблюдали из окна, как идёт снег, падает людям на лица, а они морщатся и злятся, что не оделись теплее? Если нет, то присмотритесь.

Я каждый день подхожу к окну, неважно, где я и с кем я. Это вошло в привычку, которую я даже не пыталась выработать. Иногда я вижу за окном тусклое небо без облаков, без туч — небо, которое, знаете, похоже на пенку от горячего молока.

А иногда вижу город, который ночью превращается в светящуюся новогоднюю ёлку. Вы стоите возле окна, смотрите на один фонарик вдали и думаете: «Кто его включил?» или «Как долго он будет гореть?». Или, вглядываясь с квадраты таких же, как моё, окон соседних домов, я думаю о том, что в каждой квартире, в каждом маленьком доме есть своя жизнь. Окна такие разные и жизнь в них очень разная.

Так для чего же нужны окна? Вы смогли ответить на этот вопрос?

Если да, то я поздравляю вас, вы истинный ценитель оконных стёкол и оконной рамы.

~